

MONGOLICA-VI

Посвящается 150-летию
со дня рождения А. М. Позднеева

Составитель И. В. Кульганек

Санкт-Петербург

2003

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Ответственный редактор

С. Г. Кляшторный

Редакционная коллегия

Н. С. Яхонтова, С. Д. Дмитриев, И. В. Кульганек

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект 02-04-16155д

Mongolica-VI: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. — 160 с.

М 77

Сборник посвящен 150-летию со дня рождения видного российского монголоведа, профессора кафедры монгольской словесности восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета, а позже, в течение 20-ти лет, — директора Восточного института во Владивостоке, — Алексея Матвеевича Позднеева (1851—1920), оставившего большое научное наследие, подготовившего плеяду своих последователей монголоведов: историков, филологов, лингвистов, литературоведов.

В этом сборнике представлены статьи, главным образом петербургских и московских ученых, по проблемам, которые занимали А. М. Позднеева в разные этапы его научной деятельности.

В них развиты мысли, углублены гипотезы, предположения, наблюдения и выводы, высказанные ученым в своих трудах, посвященных истории, этнографии, религии монгольских народов.

«Монголика-6» имеет 4 раздела: «Источниковедение и историография», «Из рукописного наследия», «Литературоведение и фольклористика», «Из архива востоковедов», «Наши переводы».

Сборник статей рассчитан на специалистов-монголоведов, историков науки, культурологов и всех, интересующихся историей России и Центральной Азии.

Корректор — *А. Востоковедова*

Технический редактор — *М. В. Вялкина*. Выпускающий — *О. И. Трофимова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 20.05. 2003. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 1032

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-250-8

9 785858 1032502

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 2003

© И. В. Кульганек, составление, 2003

© «Петербургское Востоковедение», 2003

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

<i>И. В. Кульганек</i>	Предисловие	5
<u><i>Н. П. Шастина</i></u>	А. М. Позднеев. (Подготовка к печати, примечания <i>А. Г. Сазыкина</i>)	7
<i>В. Л. Успенский</i>	Монгольские, ойратские и тибетские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. М. Позднеева	19
<i>И. В. Кульганек</i>	Фонд А. М. Позднеева в Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН	24
<u><i>И. И. Йоршиш</i></u>	Важнейшие события жизни и деятельности А. М. Позднеева	26

Источниковедение и историография

<i>П. О. Рыкин</i>	Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст.	28
<i>Е. Н. Афонина</i>	К оценке политики тумэтского Алтан-хана (1507—1581)	39
<i>С. В. Дмитриев</i>	Атызы Йоллыг-тегин. Этнод из области тюрко-монгольской традиционной политической культуры	48
<i>В. Н. Митин</i>	Некоторые вопросы деятельности Монгольской комиссии АН СССР в 1941—1953 гг.	55
<i>А. Г. Юрченко</i>	Монгольская мужская прическа XIII века	63
<i>А. А. Бурыкин,</i> <i>О. Ю. Коробейникова</i>	Слова «калмык», «калмыцкий» в русском языке XVIII века	69

Из рукописного наследия

<i>А. Г. Сазыкин</i>	Ойратская версия «Манджушри нама сангити»	73
----------------------	---	----

Литературоведение и фольклористика

<i>Б. М. Нармаев</i>	Гесар и ад	82
<i>А. Д. Цендина</i>	Куда исчез Джамуха?	86
<i>Л. Г. Скородумова</i>	Особенности беллетризации в современной монгольской литературе	91
<i>В. К. Шивялова</i>	Два варианта монгольской народной охотничьей песни	94

Из архива востоковедов

	Письма В. А. Казакевича к В. Л. Котвичу (1925—1936 годы). (Подготовка к печати, предисловие и примечания <i>А. М. Решетова</i>)	96
<i>А. Г. Юрченко</i>	История изучения «Книги о Тартарах» Иоанна де Плано Карпини	114
<i>Я. П. Шишмарев</i>	Письма Я. П. Шишмарева к Н. М. Пржевальскому. (Подготовка к печати и примечания <i>А. И. Андреева</i>)	118
<i>С. А. Кондратьев</i>	Стихи о Монголии. (Предисловие <i>И. В. Кульганек</i>)	124

Наши переводы

<i>Л. Дашням</i>	Сон (рассказ), Четыре времени года и одно чувство (стихотворение). (Перевод с монгольского <i>Л. Скородумовой</i>)	135
<i>Д. Батбаяр</i>	Небо любимой (рассказ), прозаические миниатюры, афоризмы. (Перевод с монгольского <i>М. П. Петровой</i>)	137
	Монгольские народные песни. (Перевод с монгольского <i>И. В. Кульганек</i>)	142
<i>А. И. Андреев</i>	Открытие музея <i>П. К. Козлова</i>	144
	Рецензии	146

А. Г. Юрченко

История изучения «Книги о Тартарах» Иоанна де Плано Карпини

В 1800 г. в Москве в университетской типографии у Ридигера и Клаудия вышла книга под названием «Любопытнейшее путешествие монаха францисканского Ордена Жана дю План-Карпино, посланного в 1246 году в достоинстве Легата и Посла от папы Иннокентия IV к татарам, им самим писанное и заключающее в себе достоверные известия о тогдашнем в Европе и Азии могуществе татар; об их одежде, пище и питии; о политическом и гражданском правлении; об образе богопочитания их; о поведении их на войне; об обрядах, наблюдаемых при свадьбах и погребениях, и о многих достопамятных происшествиях, касающихся до Российских великих князей». Это был перевод с французского издания 1735 г., опубликованного Пьером Бержероном, который, в свою очередь, восходило к печатному латинскому тексту средневековой исторической энциклопедии Винченца из Бово. Первый русский перевод не преследовал научных целей. В 1825 г. Дмитрий Языков подготовил научное издание книги Иоанна де Плано Карпини. Этому же автору принадлежала блестящая идея выпустить в свет всю серию текстов исторических путешествий к монголам в XIII—XV вв., но она не была реализована. В 1957 г. был переиздан перевод А. И. Маленина (1911 г.), и с тех пор книга брата Иоанна прочно вошла в обиход отечественной науки. Практически любое исследование по средневековой истории Средней и Центральной Азии не обходится без активного использования сведений этого донесения. Книга брата Иоанна оказалась «расщепленной» на некую сумму фрагментов, ценных, с точки зрения пользователя, лишь в том или ином частном аспекте (историческом, археологическом, этнографическом). В результате уникальнейший средневековый текст остался непонятым и не оцененным по сей день. Никто не ответил на вопрос, каковы были источники информации папского посланника и для какой аудитории предназначался отчет. «Книга о Тартарах», рожденная как ответ на таинственную игру мировых слухов и явившаяся опровержением этих слухов, в первую очередь была связана со становлением новой картины мира.

Традиционный историографический обзор по заявленной в названии статьи теме в данном случае малопродуктивен и не способен выявить тупиковые направления исследований. Существуют ряд концепций, построенных на некритическом отношении к тексту «Книги о Тартарах». В первую очередь это касается этногеографии Центральной Азии. Количество же этнографических статей, где папский посланник предстает любознательным первооткрывателем, которому до всего есть дело, необозримо. Обозначим проблему яснее. Вопрос, меня занимающий, звучит так: к какой категории текстов относятся донесения францисканской миссии 1247 г.? Как известно, эта миссия совершила дипломатическое странствие в Центральную Азию, ко двору великого хана монголов. Брат Иоанн и его спутник и переводчик брат Бенедикт оказались первыми европейцами, способными изложить свои наблюдения и полученные сведения, в форме исторического описания. Все, что было известно о монголах в Европе до этого момента, пронизано апокалипсическим видением мира и не может претендовать на объективность. Донесения францисканцев удивительным образом не стыкуются с предшествующей западной традицией. Истинной целью двухлетнего странствия папских посланников был сбор достоверных сведений, касающихся происхождения, верований и образа жизни кочевых орд, а также намерений их предводителей. Путешествие западной миссии к границам познанного мира призвано было раздвинуть занавес неизвестности и «снять» напряжение ожидаемой вселенской катастрофы. Вызов, брошенный Азией и заставивший европейскую элиту пристально вглядываться в горизонты, лежащие далеко за пределами христианского мира, обладал необычайной силой. В нем странным образом слились восходящая реальная мощь Монгольской империи и страх, связанный с ожиданием Судного дня. Следует помнить, для какой аудитории предназначались новые известия об Азии.

Дипломатическое путешествие францисканцев не имело характера престижной поездки. Папа не передал великому хану ни одного подарка, потому что не

был уверен в благополучном исходе миссии. Францисканцам предстояло открыть неизвестный и враждебный мир, о котором в Европе ходили самые невероятные слухи. Это была разведка, преследовавшая ряд конкретных целей. И одновременно — это было странствие в мир чужой культуры.

Казалось бы, на поставленный выше вопрос существует однозначный ответ: перед нами дипломатические отчеты, представленные на рассмотрение римской курии. Формально с этим можно согласиться. Однако остается неясным содержательный характер донесений. Можно ли их отнести: а) к историко-этнографическим источникам; б) к материалам, описывающим исключительно монгольский имперский феномен; в) к литературным сочинениям в историческом жанре. Вопрос не праздный. Дело в том, что на мой взгляд, ни одна из загадок этих несомненно широко известных текстов на сегодняшний день не решена. Вот некоторые из них: как могло появиться известие о походе монгольской армии на самоедов (напомню, что *самоедами* древнерусские летописи именовали племена, живущие за Северным Уралом); входило ли наказание за черную магию в систему юридических законов империи; кто мог сообщить францисканцам детальные сведения о погребении знатных лиц; действительно ли за проступок, связанный с пролитием молока на пол юрты, виновного ждала смерть; почему о золотой статуе Чингис-хана, перед которой должны были преклонить колена францисканцы, молчат другие источники; какой интерес для курии заключался в подробном описании монгольского женского головного убора *бокка*; о каком оружии в виде медных статуй, изрыгающих огонь на расстоянии полета стрелы, идет речь? Особенно загадочно выглядит содержание пятой главы, где описаны походы трех монгольских армий против монстров и фантастических народов.

Независимо от того, осознает тот или иной исследователь обозначенную проблему, он использует материалы донесений в одном из трех указанных выше качеств. В результате создается картина, которую невозможно свести к общему знаменателю. С одной стороны, донесения считаются достоверными источниками, с другой — заявляется о массе ошибок и искажений исторических событий. Продолжим вопросы. На каких основаниях историки иллюстрируют свои исследования по истории империи Чингис-хана сведениями из францисканских донесений, априори предполагая их объективный характер? Археологи, напротив, удивляются полному несоответствию своим полевым наблюдениям картины погребальных ритуалов, описанных францисканцами. Этнографы демонстрируют «потребительское» отношение к различным, как они предполагают, «этнографическим» подробностям из донесений францисканцев, видя в них коллег по полевым исследованиям.

На эти размышления меня натолкнули наблюдения, полученные во время проведения двух трансконтинентальных экспедиций 1990—1991 гг. по маршруту францисканской миссии 1247 г. Это был своего рода виртуальный эксперимент, связанный с созданием параллельного текста (взгляд современного историка-путешественника на сочинение средневекового путешественника), что, однако, не исключало работу над

реальным комментарием и историко-географической реконструкцией маршрута миссии. Мы выполнили большой объем фоторабот (около тысячи слайдов), которые в настоящий момент переданы в Русский этнографический музей (отдел Средней Азии и Казахстана); и мне хотелось бы одновременно проинформировать коллег о существовании такой фотоколлекции в фондах РЭМа и дать ей оценку в перспективе дальнейших исследований по истории тюркских и монгольских народов, опирающихся на такой специфический источник, как дипломатические отчеты францисканских миссий. Концептуально материалы экспедиции (съемка ландшафтов, археологических и архитектурных объектов, этнографические этюды) представляют видеоряд (визуальный комментарий), который призван дополнить реальный комментарий. Польза такого рода экспедиций заключается в том, что позволяет современному исследователю оценить содержание средневекового источника в реальном пространственном масштабе (и, как заметил ал-Масуди, избавляет от многих предрассудков). Несомненная ценность фотоколлекции в том, что она дает цельный взгляд на один из самых протяженных маршрутов в истории культурного обмена между Западом и Востоком. Как правило, те, кто занимается историей средневековых странствий, редко имеют возможность увидеть своими глазами хотя бы часть знаменитых маршрутов. В этом отношении, например, исследование Анри Кордые «Книги Марко Поло», опирающееся на впечатления от путешествия по Юго-Восточной Азии, сохраняет свою актуальность и сегодня.

Что же касается этнографической фотосъемки (костюмы, базары, бытовые сценки, обряды, святые места, свадебные ритуалы и т. д.), то оказалось, что большая часть этих материалов практически не имеет точек соприкосновения с той картиной, которая нарисована францисканцами. Причина расхождений в том, что францисканцы описывали жизнь кочевой империи в ее расцвете, а мы наблюдали жизнь кочевого сообщества, переживающего не лучшие времена.

Одновременно экспедиция дала импульс для пересмотра общепринятого в мировом исследовательском сообществе взгляда на загадочную пятую главу книги брата Иоанна как наивную попытку собрать воедино легенды о Чингис-хане и обработать их в стиле известного «Романа об Александре».

Иоанн де Плано Карпини назвал свое донесение «*Liber Tartarorum*» («Книга о Тартарах»). Один из ученых переписчиков XIV в. уточнил это название и получилось следующее: «История Монгалов, именуемых нами Тартарами» («*Historia Mongalorum quos nos Tartaros appellamus*»). В 1247 г. брат Ц. де Бридиа, переписавший с сокращениями донесение брата Бенедикта Поляка, переводчика миссии, дал своему труду название «История Тартар» («*Historia Tartarorum*»). Энциклопедист Винцентий из Бове (ум. 1264) почти целиком переписал донесение брата Иоанна, когда работал над составлением «*Speculum historiale*» («Историческое зеркало»). Итак, францисканцы-дипломаты и их современники восприняли донесения, привезенные из Азии, как исторические повествования. Сегодня мы можем уточнить параметры этих текстов и выявить их многоуровневый характер. В донесениях

брата Иоанна и его спутника брата Бенедикта содержатся два совершенно различных описания Монгольской империи. Назовем их условно «реальное» и «фантастическое». «Реальная» картина, рисуемая францисканцами, коррелирует с широким кругом восточных источников, в том числе и с монгольскими идеологическими представлениями. В определенном смысле можно утверждать, что западные дипломаты транслируют имперский миф. При этом в их донесениях нет места легендам имперского характера, рожденным в низовой культуре (например, сведения о рождении основателя империи от солнечного луча или вручении Ясы Чингис-хану ангелом, явившемся ему в виде золотого орла, о чем сообщают армянские историки XIII в.).

Сведения францисканской миссии 1247 г. резко отличаются от европейских апокалипсических описаний азиатских кочевников, собранных в «Великой хронике» бенедиктинского монаха Матвея Парижского, имевшего доступ к архиву английского короля Генриха III. Францисканцы приносят в Европу новую картину Монгольской империи, которая во многом совпадает с собственным монгольским мифом. Заключительный аккорд этой темы особенно ярко прозвучит в «Книге Марко Поло». Один из парадоксов этой миссии заключается в том, что францисканцам известны обе картины: и «европейская» и «монгольская». Культурная задача миссии была связана со сменой ирреальной картины новой картиной, основанной на наблюдениях и сведениях, полученных на территории империи. Францисканцы справились с этой задачей. С какой целью они подробно описали монгольскую мужскую прическу, женский головной убор (*бокка*), большие неразборные юрты, устройство орды, обычая, магические запреты, церемониалы и т. п.? Менее всего в этом следует видеть «этнографический» интерес к диковинкам чужой культуры. Известно, что средневековые общества были обществами высокой знаковости. Знаковая сущность явлений и вещей доминировала над их реальной сущностью. И одновременно мир высокой знаковости воспринимался как социально организованный. Внешним наблюдателям бросалась в глаза не странная форма прически или головного убора, но их однообразие. Францисканцы, описывая форму мужской прически, на самом деле описывают имперскую униформу. Сведения о неразборных юртах показывали современникам мобильный характер кочевой культуры, открытой к экспансии. Францисканцы описывают империю как высокоорганизованный социальный мир, а не мир хаоса, в чем были убеждены их западные современники.

Второй парадокс миссии связан с переводом необычного восточного сочинения, где изображается фантастическая империя Чингис-хана. В этом тексте параметрам Монгольской империи придан гипертрофированный и инвертированный характер. В свою очередь, «фантастическое» описание империи может быть понято лишь при сопоставлении с сюжетами из персидских и арабских космографий и восточных версий поэмы об Искандере. Францисканцы только зафиксировали перевод этого сочинения, не разгадав его истинный смысл. Мотивацией для включения его в донесения послужило отсутствие других источни-

ков, раскрывающих раннюю историю происхождения империи и легендарных деяний Чингис-хана.

Таким образом, мы приходим к следующему заключению. Донесения францисканской миссии 1247 г. являются литературными сочинениями, призванными ответить на ряд ключевых для Запада вопросов, где доминирующее положение занимает тема божественной санкции на существование ранее неизвестных Западу народов. Материалом же послужили сведения, полученные на территории империи от весьма осведомленных лиц, и лишь отчасти собственные наблюдения францисканцев. Вновь открытая культура носила ярко выраженный имперский характер, где управление было построено по военно-административной вертикали. Отчеты миссии являются своеобразным зеркалом, в котором отразились разнообразные проявления имперской культуры. Поскольку францисканцы являлись наблюдателями, представляющими интересы другой культуры, то созданные ими сочинения с необходимостью являются текстами-посредниками, призванными обрисовать реальность азиатского мира в категориях, понятных адресатам.

Вывод, к которому мы пришли, кажется, делает бесперспективной идею научных путешествий по маршрутам средневековых странствий, поскольку моделированию поддается лишь незначительная часть исчезнувших культурных связей. Однако вопрос не так прост. Опыт, полученный во время путешествия, оказывается необходимым условием для понимания истинного масштаба проделанной францисканцами работы. В свете результатов экспедиции можно определенно утверждать, что дипломатическое путешествие францисканцев преследовало единственную цель: привести в Европу «реальную» картину Монгольской империи — на смену иррациональной. Тогда как странствие брата Вильгельма де Рубрука по этому же маршруту в 1255 г. и его донесение являются идеальным объектом для этнографического исследования. Брат Вильгельм не был дипломатом и вел образ жизни странствующего проповедника.

В нескольких словах коснемся еще вопроса о мобильности кочевых армий. Известно, что такие водные преграды, как Волга и Дунай, не представляли серьезного препятствия на пути кочевых орд. Средневековые западные писатели с некоторым изумлением отмечали этот факт. Кочевники использовали кожаные лодки. Способ переправы подробно описан братом Иоанном: «А когда они добираются до рек, то переправляются через них, даже если они велики, следующим образом. У тех, кто побогаче, есть нечто круглое и легкое, [изготовленное] из кож; в его верхней части по окружности делают много ручек, через которые пропускают канат и натягивают его так, что устраивают некую [чашеобразную] полость, которую наполняют одеждой и другим имуществом и [при этом их] сильнейшим образом сдавливают друг с другом; после этого на середину кладут седла и другие вещи потяжелее. Люди также садятся на середину и привязывают этот, изготовленный таким образом, корабль к хвосту коня. И одного человека, управляющего конем, они заставляют плыть вперед вместе с конем; или у них иногда есть два весла и они ими гребут по воде; и таким образом они переправляются через реку. Коней же в воду

загоняют, и около одного коня плывет человек, который [им] управляет, а другие кони все за ним следуют; и таким образом они переправляются через водные [пространства] и большие реки» («Книга о Тартарах», VI. 12). Из описания брата Иоанна следует, что никакого жесткого каркаса кожаная лодка не имела. Фома Сплитский, напротив, сообщает следующее: «Почти ни одна из быстрых рек не является для них препятствием, через которое они не могли бы переправиться верхом на лошадях. Но если они натываются на какую-либо непреодолимую водную преграду, они сразу же сплетают из прутьев корзины наподобие лембов [остроносых быстроходных судов]; покрыв их сырыми кожами

животных и нагрузив их снаряжением, они садятся в них и переправляются безбоязненно» (Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. XXXVII). Кто же из этих наблюдателей прав? Для того, чтобы убедительно ответить на этот вопрос, участники экспедиции сшили из трех бычьих кож лодку и испытали ее в низовьях Волги. Причем испытали лодку в двух вариантах: с каркасом из веток и без каркаса, наполнив ее мягкими вещами. Во втором случае лодка с четырьмя участниками на борту, прекрасно держалась на воде. Этот материал фотодокументирован и является скромным вкладом в изучение истории и быта средневековых кочевников Азии.

Избранная библиография

- Гомбоев Г. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. СПб., 1859. Ч. IV.
- Иоани де Плано Карпини. История Монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Введ., пер. и примеч. А. И. Малеина, с прилож. 8 рис., карты и указ. СПб., 1911.
- Мурзаев Э. М. Путешествие в Монголию Плано Карпини и Вильгельма Рубруквиса (XIII в.) // Современная Монголия. 1941. № 1.
- д'Оссон К. История монголов от Чингис-хана до Тамерлана / Пер. и предисл. Н. Козьмина. Иркутск, 1937. Т. I: Чингисхан.
- Рошко Г. Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия (послания Папы Римского Даниилу Галицкому и Александру Галицкому) // Символ. Париж, 1988. № 20.
- Ставиский В. И. К анализу известий о Руси в «Истории монгалов» Плано Карпини в свете ее археографической традиции // Древнейшие государства на территории СССР: Мат-лы и исслед. 1986. М., 1988.
- Ставиский В. И. «История монгалов» Плано Карпини и русские летописи // Древнейшие государства на территории СССР: Мат-лы и исслед. 1990. М., 1991.
- Топорова А. В. Создание и распространение средневековых текстов: На примере францисканской литературы XIII—XIV вв. // Книга в системе международных культурных связей. М., 1990.
- Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Фишман О. Л. Хронотоп «путешествия» Рубрука // Двадцать вторая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл. М., 1991. Ч. 3.
- Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. / Критич. текст, пер. с латыни «История Тартар» брата Ц. де Бридиа С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко; Экспозиция, исслед. и указ. А. Г. Юрченко. СПб., 2002.
- Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы // Из истории русской культуры. Т. I: Древняя Русь. М., 2000.
- Юрченко А. Г. Чингис-хан в стране «шумящего солнца» // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб., 1998. Вып. 12.
- Юрченко А. Г. Яса Чингис-хана: нерасшифрованные запреты // Altaica. VI: Сб. ст. и мат-лов. 2001.
- Юрченко А. Г. Францисканская миссия 1246 г. во владениях Бату-хана // Тюркологический сборник 2000. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
- Юрченко А. Г. Золотая статуя Чингис-хана (русские и латинские известия) // Тюркологический сборник 2000. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
- Юрченко А. Г. Империя и космос. Реальная и фантастическая история походов Чингис-хана по материалам францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002.
- Языков Д. И. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV, XV столетиях: 1. Плано Карпини; 2. Асцелин / Лат. текст, пер. и коммент. СПб., 1825.
- Altaner B. Sprachkenntnisse und Dolmetscherwesen im missionarischen und diplomatischen Verkehr zwischen Abendland (päpstliche Kurie) und Orient im 13. und 14. Jahrhundert // Zeitschrift für Kirchengeschichte 55. 1936.
- Bezzola G. A. Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220—1270). Ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen. Bern; München, 1974.
- Boyle J. A. The Thirteenth-Century Mongols' Conception of the After-Life: the Evidence of their Funerary Practices // Mongolian Studies I. Bloomington, Ind., 1974.
- von den Brincken A.-D. Die Mongolen im Weltbild der Lateiner um die Mitte des 13. Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung des «Speculum Historiale» des Vincenz von Beauvais OP // Archiv für Kulturgeschichte 57. 1975.
- Corso R. Apporto all'etnografia di Fra Giovanni da Plano di Carpine // Fra Giovanni di Carpine nel VII centenario della sua morte / Ed. Porziuncola. Assisi, 1952.
- Die Mongolengeschichte des Johannes von Piano Carpine / Übersetzt und kommentiert von J. Giessauf. Graz, 1995 (Schriftenreihe des Instituts für Geschichte 6).
- Giovanni di Piano di Carpine. Storia dei Mongoli / Edizione critica del testo latino a cura di E. Menestò; traduzione italiana a cura di M. C. Lungarotti e note di P. Daffinà; introduzione di L. Petech; studi storico-filologici di C. Leonardi, M. C. Lungarotti, E. Menestò. Spoleto, 1989.
- Guéret-Laferté M. Sur les Routes de l'Empire Mongol. Ordre et rhétorique des relations de voyage aux XIIIe et XIVe siècles. Paris, 1994.
- Guzman G. G. The Encyclopedist Vincent of Beauvais and his Mongol extracts from John of Plano Carpine and Simon of Saint-Quentin // Speculum 49. 1974.
- Johannes von Plano Carpine. Kunde von den Mongolen: 1245—1247 / Übersetzt, eingeleitet und erläutert von F. Schmieder. Sigmaringen, 1997.
- Jurow W. Benedykt Polak jako średniowieczny zbieracz podań i legend o Tatarach // Literatura Ludowa. 20:1976, nr 6 (1977).
- Pellior P. Recherches sur les Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême Orient, opera postuma pubblicata a cura di J. Dauvillier e L. Hambis. Paris, 1973.
- de Rachewiltz I. Papal Envoys to the Great Khans. London, 1971.
- de Rachewiltz I. Prester John and Europe's Discovery of East Asia // East Asian History 11. June 1996.
- Saunders J. J. John of Plano Carpine: The Papal Envoy to the Mongol Conquerors who traveled through Russia to Eastern Asia in 1245—1247 // History Today 22. 1972.
- Sinor D. Mongol and Turkic Words in the Latin Versions of John of Plano Carpine's Journey to the Mongols (1245—1247) // Mongolian Studies edited by Louis Ligeti. Budapest, 1970.
- Spotkanie dwóch światów: Stolica apostolska a świat mongolski w połowie XIII wieku: Relacje powstałe w związku z misją Jana di Piano Carpiniego do Mongołów / Pod red. J. Strzelczyka. Poznań, 1993.
- The Vinland Map and the Tartar Relation / Ed. R. A. Skelton, Th. E. Marston, and G. D. Painter, for the Yale University Library, with a foreword by A. O. Vietor. New Haven; London, 1965.